

Р.М. Жумашев, А.Ж. Мырзахметова*, Г.Т. Едгина, Д.С. Кожобеков

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: zhumashev_rymbek@mail.ru; amyrsakhmetova@gmail.com; vastfak1999@mail.ru;
kdarhanbek@gmail.com)*

Совещание историков 1944 года в ЦК ВКП (б) и развитие советской историографии истории Казахстана

В статье рассмотрены формирование и развитие концепции казахстанской исторической науки в 1940–начале 1950-х гг. Основой данного процесса являлось Совещание историков в Центральном комитете ВКП (б), проходившее в г. Москве в 1944 г. Совещание было создано по инициативе А.М. Панкратовой, являвшейся одним из авторов и инициаторов создания в годы Великой Отечественной войны первого фундаментального труда по национальной истории «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (1943). Это было первое академическое издание, охватившее целиком историю Казахстана с эпохи древности, кроме того, труд был выдвинут на Сталинскую премию. Однако издание было подвергнуто резкой критике как со стороны казахстанских, так и московских историков. Эта дискуссия явилась поворотным моментом, когда был совершен переход от парадигмы «наименьшего зла» к парадигме «абсолютного блага» в вопросах политики Российской империи на территории национальных республик СССР. В последующем принятые решения повлияют не только на характер научных исследований по истории Казахстана, но и непосредственно на судьбы ученых-казахстановедов. В частности, будет запущена репрессивная машина в отношении Ермухана Бекмаханова, который в 1952 г. будет осужден на 25 лет за исследование, посвященное движению Кенесары Касымова. Статья основана на широком круге источникового материала.

Ключевые слова: история исторической науки, советская историография истории Казахстана, совещание историков 1944 г. в ЦК ВКП (б), А.М. Панкратова.

Введение

В истории исторической науки Казахстана период 1940-х–начала 1950-х гг. занимает особое место. Это были годы институционального становления исторической науки, формирования ее инфраструктуры и кадрового обеспечения, а также утверждения концептуальных основ национальной истории. Анализ и интерпретация основных этапов развития исторической науки Казахстана необходимы и актуальны не только с точки зрения реконструкции основных этапов, развития исторической науки, но и с точки зрения осмысления особенностей формирования идей и концепции советской историографии истории Казахстана.

Методология и методы исследования

Среди обширного круга источников, в которых отражена информация об условиях развития исторической науки Казахстана 1940–1950-х гг. и формах ее функционирования, значительное место принадлежит совещанию историков в ЦК ВКП (б) 1944 г. Нельзя не согласиться с точкой зрения О.В. Гришаева, который пишет о том, что это совещание сыграло особую роль в утверждении советской историографии русской истории [1; 132]. С такой же определенностью можно утверждать и об определяющей роли этого совещания в формировании и развитии советской историографии истории Казахстана. Об этом свидетельствуют выступления участников данного совещания, когда практически каждый оратор говорил о роли колонизации в истории царской России и ее влиянии на историю народов, вошедших в состав Российской империи. Вместе с тем, необходимо отметить и тот факт, когда каждый выступавший участник совещания в той или иной степени говорил о вышедшей в 1943 г. книге «История Казахской ССР с древнейших времен и до наших дней» [2]. Одним из редакторов издания была член-корреспондент Академии наук СССР Анна Михайловна Панкратова. Собственно, сама Анна Михайловна была одним из главных инициаторов созыва этого совещания.

Совещание историков в ЦК ВКП (б) в казахстанской историографии советского и постсоветского периода не стало предметом специального науковедческого и историографического анализа. Оно

* Автор-корреспондент. E-mail: zhumashev_rymbek@mail.ru

только упоминается в работах И.М. Козыбаева [3; 85, 4] и некоторых других трудах казахстанских историков. В опубликованных трудах казахстанских авторов реконструируются основные события идеологических кампаний тех лет и организационно-научные мероприятия, связанные с выходом в свет книги Е.А. Бекмаханова «Казахстан в 20-е–40-е годы XIX века» (1947) [5].

В советской, а затем и в российской историографии тема изучения и интерпретации места и значения Совещания 1944 года в ЦК ВКП (б) в содержательной трансформации советской историографии имеет устойчивые традиции и стала предметом исследования на протяжении последних 25–30 лет. Опубликованные историографические источники [6] и труды историков последних трех десятилетий, с различных сторон раскрыли такие темы, как историк и власть, партийно-идеологический диктат над сферой науки, Е.В. Тарле и петербургская школа историков, национал-большевизм, сталинская массовая культура, историческое прошлое нерусских народов в период имперского господства, национальный вопрос в СССР в 1933–1945 годах [7–14].

Совещание историков 1944 года в ЦК ВКП (б), осудившее антиколониальные, антирусские восстания и отвергнувшее концепцию дореволюционных восстаний и выступлений нерусских народов против колониального гнета как «прогрессивные» и «освободительные», определило границы державно-патриотического контекста истории дореволюционной истории России и взаимоотношений с народами, завоеванными в процессе формирования имперского государства.

Обсуждения

В работе Совещания приняли участие известные историки советского периода, в основном работавшие по проблемам истории дооктябрьской России, секретари ЦК ВКП (б) А.С. Щербаков, А.А. Андреев, Г.М. Маленков и целая группа (более 50 чел.) ответственных работников центрального аппарата ЦК ВКП (б), курировавших идеологическую, организационно-партийную и кадровую работу. Совещание начало свою работу 29 мая 1944 года и с перерывами продолжалось до 8 июля 1944 года. Председательствовал на Совещании А.С. Щербаков, занимавший одновременно посты Секретаря ЦК ВКП (б) по идеологии и Первого Секретаря Московского городского комитета ВКП (б).

В ходе работы Совещания его участники подняли большой круг вопросов по истории императорской России, ее внешней политики, а также участия историков в военно-патриотической пропаганде. Совещание историков 1944 года длительное время выходило в круг закрытых мероприятий. Никакой информации об этом совещании в те годы вплоть до 1990 года ни в периодической печати, ни на страницах научных периодических журналов не публиковалось.

Одним из значимых итогов Совещания стало окончательное и негласное определение границ интерпретации творческого наследия дореволюционной исторической мысли советскими историками. После отказа от идей школы М.И. Покровского и его последователей в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны было опубликовано большое количество трудов историков, написанных с державно-патриотических позиций.

Сталинский режим, активно эксплуатируя в годы войны образы выдающихся русских полководцев и флотоводцев в целях военно-патриотической пропаганды и агитации, увидел в нарастании великодержавной русской патриотики определенную угрозу своей власти. Поэтому были установлены своего рода «красные линии» в трактовке исторического прошлого России. Большевицкая власть сделала для себя вывод о том, что необходимо контролировать два важных направления в творчестве историков — не допускать возвеличивания царской политики и неумеренного восхваления дореволюционной истории России и не допускать чрезмерного очернения исторического прошлого страны. Большевицкая власть сделала для себя вывод о том, что нужно контролировать два важных направления в творчестве историков — не допускать возвеличивания царской политики и неумеренного восхваления дореволюционной истории Российской империи и не допускать чрезмерного очернения исторического прошлого страны. Историки должны были теперь работать строго в рамках сформированной марксистско-ленинско-сталинской парадигмы, следовать формационному подходу и советскому патриотизму. Фактически заданные в 1944 году на Совещании в ЦК ВКП (б) «красные линии» для историков жестко охранялись на системной основе вплоть до 1987 года. Тогда прозвучавший доклад М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» стал сигналом для коренного пересмотра истории советского периода.

В ходе работы Совещания большое внимание выступавшие уделили критике книги «История Казахской ССР с древнейших времен и до наших дней», вышедшей в свет в 1943 году. Выступавший 1 июня 1944 года С.К. Бушуев заявил, что «в Институте истории и по сию пору не проветрены еще

углы от покровщины... книга о Казахстане — антирусская книга. Написана наспех. Редакция книги крайне поверхностная и несерьезная. Эта работа, кстати, сказать, была начата без общей программы» [15; 56].

Если С.К. Бушуев завуалировал свои нападки на А.М. Панкратову критикой в адрес Института истории, то выступавший вслед за ним философ Х.Г. Аджемян обрушился на нее с жесткими обвинениями в ложном понимании классовой борьбы, отрицании роли и значения фактора пространства в обороне страны. Поэтому он сказал, что «товарищ Панкратова в бытность свою в Казахстане создала книгу об истории Казахской ССР, в которой по старинке очернила русскую завоевательную политику, благодаря которой впоследствии казахи приобрели культуру, литературу, национальный облик. Она расхваливала Касымова и его движение за то, что они упрямо шли против исторически прогрессивного движения России на Восток, что диктовалось как интересами безопасности русской империи с Востока, так и интересами культурного пробуждения казахов, веками прозябавших в цепких когтях азиатской неподвижности... Она исходит из принципа классовой борьбы, так ложно его понятого, и строит свои силлогизмы: раз классовая борьба — значит, надо сочувствовать движению «низов» против «верхов». Кто «низы»? — Казахи! Кто «верхи»? — Представители русской империи» [15; 66].

Безусловно, подобное великодержавно-русоцентристкое вульгаризаторство Х.Г. Аджемяна явилось выражением умонастроений значительной части историков того периода. Мы видим, что первый опыт создания истории одной из союзных национальных республик появился в сложный период Великой Отечественной войны, когда в целях идеологической и военно-патриотической мобилизации пропагандисты и историки использовали образы военачальников и борцов за национальную независимость независимо от их классовой или национальной принадлежности. Это активно использовалось в первые, самые тяжелые и судьбоносные годы войны, когда стоял вопрос о самом существовании не только государственности, но и самих народов. Именно на национальные чувства и традиции патриотизма и защиты родной земли от иноземных захватчиков был сделан упор в пропаганде и агитации, печатных изданиях, кинематографе, художественном творчестве. И только после осязаемых и прогнозируемых перспектив окончания кровопролитной войны заговорили о приоритете классовой идеологии и патриотизме русской нации над историческим прошлым.

Выступавший на следующем заседании академик Е.В. Тарле в свое оправдание обосновал положение о роли пространственного фактора в войне, продолжил свою полемику с А.М. Панкратовой, заявив: «... не признавать вовсе значения фактора пространства — этого азбучного факта военно-патриотической истории — нельзя» [16; 82]. В отличие от выступлений С.К. Бушуева и Х.Г. Аджемяна, критика из уст Е.В. Тарле отличалась академизмом и корректностью аргументов.

С единственной научно аргументированной и научно обоснованной критикой книги «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» выступил С.П. Толстов, доктор исторических наук, директор Института этнографии Академии наук СССР. Он отметил, что «работа над историческим прошлым каждого народа ведется изолированно, мы в ряде случаев имеем резкое расхождение между историками отдельных республик в оценке тех или иных вопросов истории народов нашей страны» [16; 84]. В качестве примера он привел работу «История Казахстана...» и книгу Гафурова и Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость» (1944) [17]. С.П. Толстов справедливо возразил против попытки авторов книги по истории таджикского народа намеренно вычленив историю Таджикистана из истории остальных народов Средней Азии и изобразить тюркские народы, последовательно, без исключения, как носителей разбоя, угнетения, порабощения и реакции.

Книгу, посвященную истории Казахстана, по ее объему, вложенному труду он оценил как солидный вклад в историографию. В то же время, видя сформировавшуюся конъюнктуру и настроение власти, С.П. Толстов большую часть своего выступления посвятил критике книги. Он отметил элементы идеализации истории казахского народа, подчеркнул ставшее дежурным утверждение об отрыве истории казахского народа от всемирной истории, от истории русского народа, от истории других народов Средней Азии. Экстенсивность кочевого хозяйства, центробежные тенденции в политическом развитии, крушение попыток для создания Казахского ханства стали причиной втягивания отдельных частей Казахстана в орбиту политического влияния соседних государств — вопросы, которые, по мнению С.П. Толстого, не нашли отражения в книге. Он справедливо указал, что «Казахстан — «Дешт-и-Кипчак», то есть «Половецкая степь» и, что следовало бы без намека показать, что история Казахстана тесно связана с историей Восточной Европы, с историей Руси» [16; 86]. Далее он указал на взаимосвязь истории восточных регионов Золотоордынского государства с историей Руси.

С.П. Толстов приводит собственные оценки исторической роли ханов Абулхаира и Аблая в истории Казахского ханства XVIII века.

Боевые традиции казахского народа, как он отметил, требуют отдельной разработки и здесь он призвал историков не ставить в один ряд как освободительные народные движения Срыма Датова, Исатая Тайманова и представителя степной знати султана Каратая, а также Садыка Кенесарина. Сложный и противоречивый образ Кенесары Касымова также стал объектом критики С.П. Толстого. По его мнению, на раннем этапе движения Кенесары действительно пытался возглавить освободительную борьбу народных масс против царизма. Указывая, что Кенесары — вождь и представитель казахских султанов, С.П. Толстов его действия в Киргизии и кокандских землях характеризует как авантюру, а его войну против киргиз и сырдарьинских узбеков как бесспорно захватническую. Выступление С.П. Толстого по содержанию книги «История Казахской ССР ...» на совещании было единственной с точки зрения аргументированной и конструктивной критикой недостатков коллективного труда московских и казахстанских историков.

Выступивший затем историк и филолог Н.С. Державин работу «История Казахской ССР...» назвал прекрасным трудом, который является образцовой по истории национальностей Советского Союза [16; 100] и высоко оценил вклад А.М. Панкратовой в написании книги. Сама А.М. Панкратова, явившаяся по сути инициатором созыва данного совещания, в своем выступлении подробно остановилась на истории создания книги «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», вкладе ученых в написании книги. Отдельно она отметила, что книга создавалась в 1941–1942 годах, во время наивысшего критического накала в ходе Великой Отечественной войны, когда фронт и боевые действия приблизились к казахским степям. И в этих условиях нужно было поднять боевой дух и напомнить всем войнам о боевых традициях в истории казахов. Этим мобилизационным целям и была посвящена «История Казахской ССР...».

В своем заявлении на имя Секретаря ЦК ВКП (б) А.С. Щербакова Анна Михайловна Панкратова решительно не согласилась с мнением профессоров Ефимова, Бушуева и Яковлева о книге «История Казахской ССР...» и просила организовать отдельное обсуждение книги. Ею также была выражена готовность исправить все высказанные замечания по этой книге. Само выступление А.М. Панкратовой, конструктивность аргументов и готовность к продуктивному диалогу, всемерная поддержка казахских коллег-историков — ярчайший пример бескорыстной помощи национальным кадрам историков, служения идеалам науки и дружбы народов.

Однако, несмотря на оказанную поддержку в последующем, авторы первого научного труда по национальной истории СССР обвинялись в том, что они не учли исторической обстановки, сложившейся в Казахстане в момент его присоединения к России, и «не показали по-настоящему прогрессивного значения вхождения Казахстана в состав Российской империи», не провели четкого разграничения между «подлинными национально-освободительными движениями казахского народа» и «разбойничьими набегами казахских султанов и феодалов» [11; 40]. Все старания казахской номенклатуры упредить критику не помогли. Специальная проверочная комиссия из Москвы вынесла довольно жесткое заключение. В справке для Г.М. Маленкова «Об ошибках и недостатках в идеологической работе в партийной организации Казахстана» члены комиссии не только повторили критические замечания казахских коллег, но и добавили к ним ещё большее количество других замечаний. В частности, было отмечено, что казахские историки (Кенжибаев, Маргулан и другие) в подготовленном к печати сборнике «Казахские батыры» пытаются доказать, что, например, хан Аблай является подлинно народным ханом, что, «пытаясь объединить Старший, Средний и Младший жузы в единое казахское ханство, он совершал прогрессивное дело». Другие казахские историки (Нурканов, Сулейменов и Маргулан) обвинялись в том, что «поставили на одну доску деятельность подлинно народного героя, руководителя национально-освободительного восстания 1916 г. Амангельды Иманова с деятельностью Едиге, Кенесары Касымова и некоторых других казахских ханов, стали рассматривать Амангельды как продолжателя дела Едиге и других ханов в борьбе за свободу, счастье и интересы народа» [11; 40].

Итогами Совещания стало кардинальное изменение в подходах при оценке характера исторических событий. В частности, исследователи Г. Бордюгов и В. Бухараев приводят выдержки из Большой советской энциклопедии 1937 и 1947 годов: «В первой версии: «легенда... о добровольном подданстве Казахского народа — явная ложь». В версии 1947 г. — «добровольно приняли русское подданство — как Абулхир в 1731 г., так и хан Средней Орды, Абдулмамбет и султан Аблай в 1740 г.

Позднее, в середине XIX в., добровольно приняли русское подданство казахи Старшего жуза» [11; 55].

Переход от теории «наименьшего зла» к теории «абсолютного блага» стал повсеместным в Советском Союзе. Данная тенденция стала общей для всех национальных историографий СССР. Завоевание царской Россией новых территорий объявлялось прогрессивным деянием. Переход завоёванных царской Россией территорий под власть Советской России предстал в качестве уже не относительного, а абсолютного блага. Тем самым историки-державники подготовили для сталинского режима обоснование завоевания («присоединения», согласно советской терминологии) Эстонии, Латвии, Финляндии, Литвы и Польши, «уклонившихся» после Октябрьской революции от предоставленной им возможности войти в СССР [11; 55].

Заключение

В период 1940–начала 1950-х гг. в казахстанской исторической науке, кроме выхода в свет «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», были опубликованы фундаментальные труды по истории восстания Кенесары Касымова и Срыма Датова, было подготовлено второе издание «Истории Казахской ССР...» под руководством А.М. Панкратовой и И.О. Омарова. По существу, эти труды и стали фундаментом советской историографии истории Казахстана. В области методологии истории это труды, в которых сложно и противоречиво внедрялось марксистское понимание истории в ее сталинско-вульгаризаторской трактовке. В области историографии — научные труды с концепциями историков с преимущественным вниманием к движущим силам исторического процесса в виде концепта классовой борьбы и оправдание колониальных захватов царской России.

Статья подготовлена в рамках выполнения научного проекта по гранту AP14872088 «Национальное историознание — сердцевина интеллектуальной истории Казахстана 40–50-х годов XX века» (2022–2024 гг.) (Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан).

Список литературы

- 1 Гришаев О.В. Роль совещания историков 1944 года в ЦК ВКП (б) в развитии советской историографии русской истории / О.В. Гришаев // Научные ведомости. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. — 2013. — № 1 (144). — Вып. 25. — С. 132–136.
- 2 История Казахстана (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Издание 1943 г.). — 3-е изд. — Алматы: Printexpress, 2011. — 670 с.
- 3 Козыбаев И.М. Историография Казахстана: уроки истории / И.М. Козыбаев. — Алма-Ата: Рауан, 1990. — 135 с.
- 4 Козыбаев И.М. Историческая наука Казахстана: (40–80-е гг. XX века) / И.М. Козыбаев. — Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. — 149 с.
- 5 Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века / Е.Б. Бекмаханов. — Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. — 416 с.
- 6 Письма Анны Михайловны Панкратовой. (Вступительная статья Ю.Ф. Иванова) // Вопросы истории. — 1988. — № 11. — С. 54–79.
- 7 Бурдей Г.Д. Историк и война, 1941–1945 [Текст] / Г.Д. Бурдей; под ред. В.А. Муравьева. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. — С. 150–158.
- 8 Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков / Б.С. Каганович. — СПб., 1995. — С. 80–85.
- 9 Бранденбергер Д.Л. Итоговый партийный документ совещания историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г. (История создания текста) / Д.Л. Бранденбергер, А.М. Дубровский // Археографический ежегодник за 1998 год. — М., 1999. — С. 148–160.
- 10 Дубровский А.М. Историк и власть / А.М. Дубровский. — Брянск, 2005. — С. 424–489.
- 11 Бордюгов Г. Национальная историческая мысль в условиях советского времени / Г. Бордюгов, В. Бухараев // В кн.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2003. — С. 21–72.
- 12 Сеницын Ф.Л. Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР 1933–1945 / Ф.Л. Сеницын. — М.: Центрполиграф, 2018. — 543 с.
- 13 Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки / В.В. Тихонов. — М.: ИРИ РАН, 2014. — 218 с.
- 14 Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.) / А.М. Дубровский. — М.: Полит. энцикл., 2017. — 622 с.
- 15 Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 // Вопросы истории. — 1996. — № 2. — С. 47–86.

16 Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944. (Вступительная статья Ю.Н. Амиантова) // Вопросы истории. — 1996. — № 5, 6. — С. 77–106.

17 Гафуров Б.Г. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины / Б.Г. Гафуров, Н. Прохоров. — Сталинабад, 1944. — 212 с.

Р.М. Жумашев, А.Ж. Мырзахметова, Г.Т. Едгина, Д.С. Кожабеков

1944 жылы БКП(б) Орталық Комитетінде өткен тарихшылардың кеңесі және Қазақстан тарихының кеңестік тарихнамасының дамуы

Мақалада 1940 және 1950 жылдардың басындағы қазақстандық тарих ғылымының тұжырымдамасының қалыптасуы мен дамуы қарастырылған. Бұл процестің негізі 1944 жылы Мәскеу қаласында өткен БКП (б) Орталық Комитетіндегі тарихшылардың кеңесі болды. Аталған кеңес Ұлы Отан соғысы жылдарында жарық көрген «Қазақ КСР-нің ежелгі дәуірден бүгінгі күнге дейінгі тарихы» (1943 жыл) атты ұлттық тарих бойынша алғашқы іргелі еңбектің авторы және бастамашысының бірі болған А.М. Панкратованың бастамасымен шақырылған. Бұл Қазақстанның тарихын ежелгі дәуірден бастап қамтыған тұңғыш академиялық басылым болды, сонымен қатар еңбек Сталиндік сыйлыққа ұсынылған. Алайда басылым қазақстандық, мәскеулік тарихшылар тарапынан да өткір сынға ұшырады. Бұл пікірталас Ресей империясының КСРО-ның ұлттық республикалары аумағындағы саясаты мәселелерінде «аз зұлымдық» парадигмасынан «абсолютті жақсылық» парадигмасына көшу жүргізілген бетбұрысты кезең болды. Одан кейін қабылданған шешімдер Қазақстан тарихы бойынша ғылыми зерттеулердің сипатына ғана емес, қазақ ғалымдарының тағдырына да тікелей әсер еткен. Атап айтқанда, Ермұхан Бекмахановқа қатысты қуғын-сүргін басталып, ол 1952 жылы Кеңесары Қасымов қозғалысына арналған зерттеуі үшін 25 жылға сотталды. Мақала кең ауқымды деректі материалдарға негізделген.

Кілт сөздер: тарих ғылымының тарихы, Қазақстан тарихының кеңестік тарихнамасы, БКП (б) ОК 1944 жылғы тарихшылар кеңесі, А.М. Панкратова.

R.M. Zhumashev, A.Zh. Myrzakhmetova, G.T. Edgina, D.S. Kozhabekov

The 1944 meeting of Historians in the Central Committee of the All-Russian Communist Party (b) and the development of Soviet Historiography of the history of Kazakhstan

This article discusses the formation and development of the concept of Kazakh historical science in the 1940s–early 1950s. The basis of this process was the Meeting of Historians in the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, held in Moscow in 1944. This Meeting was convened on the initiative of A.M. Pankratova, who was one of the authors and initiators of the creation of the first fundamental work on national history “History of the Kazakh SSR from ancient times to the present day” (1943) during the Great Patriotic War. It was the first academic publication that covered the entire history of Kazakhstan from the era of antiquity, in addition, the work was nominated for the Stalin Prize. However, the publication was sharply criticized by both Kazakh and Moscow historians. This discussion was a turning point when a transition was made from the paradigm of the “lesser evil” to the paradigm of the “absolute good” in matters of the policy of the Russian Empire on the territory of the national republics of the USSR. In subsequent years, the decisions made influenced not only the nature of scientific research on the history of Kazakhstan, but also directly on the fate of Kazakh scientists. In particular, a repressive machine was launched against Yermukhan Bekmakhonov, who in 1952 was sentenced to 25 years for research on the movement of Kenesary Kasymov. The article is based on a wide range of source materials.

Keywords: history of historical science, Soviet historiography of the history of Kazakhstan, meeting of historians in 1944 in the Central Committee of the CPSU (b), A.M. Pankratova.

References

- 1 Grishaev, O.V. (2013). Rol soveshchaniia istorikov 1944 goda v TsK VKP (b) v razvitiu sovetskoi istoriografii russkoi istorii [The role of the meeting of historians in 1944 in the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in the development of Soviet historiography of Russian history]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriia. Politologia. Ekonomika. Informatika — History. Political science. Economy. Computer Science Series*, 1(144) [in Russian].

- 2 Istoriia Kazakhstana (Istoriia Kazakhskoi SSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Izdanie 1943 g.) [History of Kazakhstan (History of the Kazakh SSR from ancient times to the present day. Edition of 1943)]. (3d ed). Almaty: Printexpress [In Russian].
- 3 Kozybaev, I.M. (1990). Istoriografiia Kazakhstana: uroki istorii [Historiography of Kazakhstan: the lessons of history]. Alma-Ata [in Russian].
- 4 Kozybaev, I.M. (1992). Istoricheskaia nauka Kazakhstana: (40–80-e gg. XX veka) [Historical science of Kazakhstan: (40–80s of the XX century)]. Alma-Ata: Qazaq universiteti [in Russian].
- 5 Bekmakhanov, E.B. (1992). Kazakhstan v 20–40-e gody XIX veka [Historical science of Kazakhstan: (40–80s of the XX century)]. Alma-Ata: Qazaq universiteti [in Russian].
- 6 Pisma Anny Mikhailovny Pankratovoi. (Vstupitelnaia statia Yu.F. Ivanova). (1988). [Letters of Anna Mikhailovna Pankratova (Introductory article is by Yu.F. Ivanov)]. *Voprosy istorii — Questions of history*, 11, 54–79 [in Russian].
- 7 Burdei, G.D. (1991). Istorik i voina, 1941–1945 [Historian and war, 1941–1945]. V.A. Murabeva (Ed.). Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta [in Russian].
- 8 Kaganovich, B.S. (1995). Evgenii Viktorovich Tarle i peterburgskaia shkola istorikov [Vgeny Viktorovich Tarle and the St. Petersburg School of Historians]. Saint Petersburg, 80–85 [in Russian].
- 9 Brandenberger, D.L., & Dubrovskii A.M. (1999). Itogovy partiinyi dokument soveshchaniia istorikov v TsK VKP (b) v 1944 g. (Istoriia sozdaniia teksta) [The final party document of the meeting of historians in the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in 1944 (History of the creation of the text)]. *Arkheograficheskii yezhegodnik za 1998 god — Archaeographic Yearbook for 1998*, 148–160 [in Russian].
- 10 Dubrovskii, A.M. (2005). Istorik i vlast [Historian and power]. Bryansk, 424–489 [in Russian].
- 11 Bordiugov, G., & Bukharaev, V. (2003). Natsionalnaia istoricheskaia mysl v usloviakh sovetskogo vremeni [National historical thought in the conditions of the Soviet era]. K. Aimermakher, G. Bordiugov (Ed.). V knige: *Natsionalnye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh — In the book: National histories in Soviet and post-Soviet states*, 21–72 [in Russian].
- 12 Sinitsyn, F.L. (2018). Sovetskaia natsiia i voina. Natsionalnyi vopros v SSSR 1933–1945 [Soviet nation and war. The national question in the USSR 1933–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf [in Russian].
- 13 Tikhonov, V.V. (2014). Istoriki, ideologiia, vlast v Rossii XX veka. Ocherki [Historians, ideology, government in Russia of the XX century]. Moscow: Institut Rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk [in Russian].
- 14 Dubrovskii, A.M. (2017). Vlast i istoricheskaia mysl v SSSR (1930–1950-e gg.) [Government and historical thought in the USSR (1930–1950s)]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia [in Russian].
- 15 Stenogramma soveshchaniia po voprosam istorii SSSR v TsK VKP (b) v 1944 (1996). [Transcript of the meeting on the history of the USSR in the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in 1944]. *Voprosy istorii — Questions of history*, 2, 47–86 [in Russian].
- 16 Stenogramma soveshchaniia po voprosam istorii SSSR v TsK VKP (b) v 1944. (Vstupitelnaia statia Yu.N. Amiantova) (1996). [Transcript of the meeting on the history of the USSR in the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in 1944 (Introductory article is by Yu.N. Amiantov)]. *Voprosy istorii — Questions of history*, 5, 6 [in Russian].
- 17 Gafurov, B.G., & Prokhorov, N. (1944). Tadjzhikskii narod v borbe za svobodu i nezavisimost svoei Rodiny [The Tajik people in the struggle for the freedom and independence of their homeland]. Stalinabad [in Russian].